

K-91

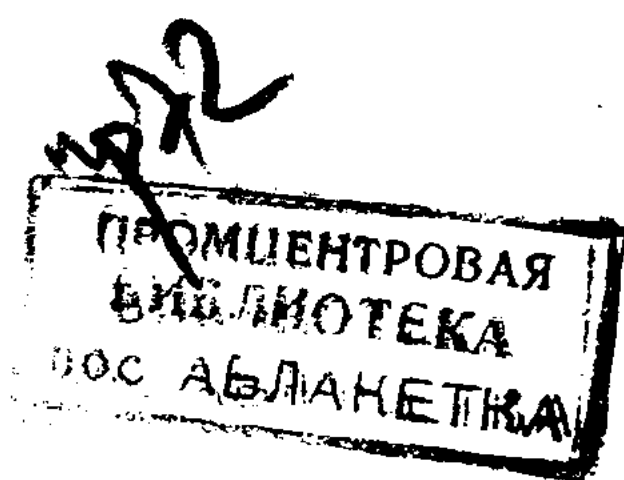
АБАЙ
КУНАНБАЕВ

АБАЙ КУНАНБАЕВ

ИЗБРАННОЕ

КАЗАХСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Алма-Ата — 1951

* * *

Эй, ты Жаксылык, — хоть себя пожалей!
На многих хватило бы дури твоей!
Берёшь ты из бедности деньги займы?
Но займы как раз и приводят-то к ней!

1887

ОХОТА С БЕРКУТОМ

Ловчий с беркутом скачет в ранних снегах
Будет зорёк — добудёт лису в горах.
Вот находка в дороге: хороший конь,
Да сговорчивый спутник, забывший страх,
Да лисы осторожный обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах,

Всадник с беркутом скачет во весь опор:
Направление следа заметил взор.
Он сорвёт клубочок у беркута с глаз, —
Беркут машет крылами, глядит в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдёт лиса!» —
Так подумав, он взмочет к вершинам гор.

«Не спасёт меня бегство», — лиса поймет.
Остановится вдруг и раскроет рот,
Заскрежещет зубами и глянет вверх.
Кто у хитрой без боя душу возьмёт?
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперёд.

Помнит беркут: — лиса из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков!
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков,
Зашумит он крылами и засвистит,
И стремглав понесётся из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Тот — небесный дикарь, та — дикарь земной.
Захотел человек, и вот дикари
Быются несмерть... А снег слепительно бел,
Чёрен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она,
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом!
Эта битва напомнить тебе должна.

Жениха и невесты первую ночь, —
На постели им тесно. Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул её под себя.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
Шестьдесят две хитрости лисьи разбей,
Победители стать на отдых непрочь!

Скажут старшие, похвалив смельчака:
«Дай ещё нам, о боже, три косяка!»
Сердце твоё довольством тогда полно,
Ты за губу кладёшь щепоть табака.
Если в горах лисиц, что ягод в лесу, —
Станет воистину жизнь твоя сладка.

Горькие думы исчезнут без следа,
Если на ловлю ты приедешь сюда.
В бренном мире нет мне занятья милей,
С беркутом я бы охотился всегда!
У кого пронцательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова,
Но возникнет образ в сознании твоём,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймёт,
Тот, в чьём сердце прелесть охоты жива.

* * *

Белый лоб — серебро, чей тонок чекан.
Он глазами лучистыми осиян.
Словно вычерчен двух бровей полукруг.
Облик юной луны красавице дан.

Нос её — словно выточен на лице.
Кто расскажет, как цвет её щек румян?
Ожерельем жемчужных её зубов
Я люблюсь, от жгучих желаний пьян.

Смех журчащий её — как дробь соловья.
В мудрой речи её не гостит обман.
Шелк завидовать может шее такой.
Кто в её подбородке сыщет изъян?

Безошибочен выгиб точеных плеч.
От гранатных грудей исходит дурман.
Безупречен налив этих двух плодов,
И маняще упруг тростниковый стан!

Эти гладкие пальцы ловки в шитье,
Локоть — нежный младенец, что всеми ждан, —
А смолистые косы — волнистый шёлк,
Что для радости взора прилежно ткан!

Чей же цвет не увял от ранних страстей?
Столь доступны красавицы наших дней,
Что годам к восемнадцати жёлт и вял
И затискан гранатный налив грудей.

Лицемерны личины иных блудниц:
Добродетельней нет, мол, и нет святей...
Но немало таких, что всем напоказ
Щеголяют распушенностью своей.

Знаем скромниц мы этих, забывших счёт
Удальцам, что недолго ждуг у дверей.
Попадётся ль бесстыжий, грубый хвастун, —
И таких принимают девы гостей.

Хоть таким не сойти за честных людей,
Хоть такие к безделью всего склонней,
Хоть иной разглагольствующий джигит
Не дороже хвастливых своих речей.

1884

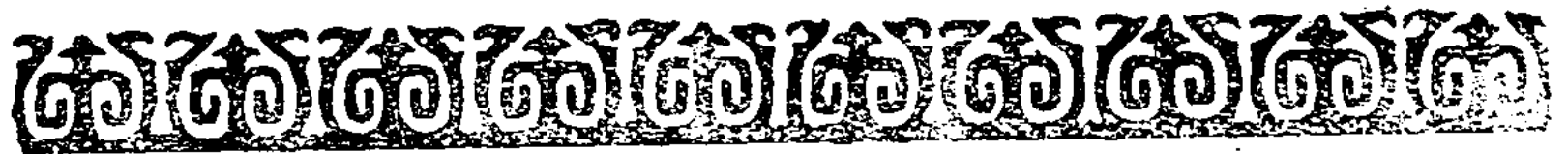

* * *

С юных лет мне чужд был знанья свет благой.
Видя благо в нём, я шел стезёй другой.
Возмужал — наука из-под рук ушла.
Поздно к ней ты устремился, разум мой!
Кто повинен в том, что я теперь ни с чем?
Знанием овладев, я стал бы весь иной.
Из людских отрад одну зовут: дитя.
Обучение детей — наш долг прямой.
Сына отдал в медресе—«Расстанься с тьмой!»—
Не затем, чтоб сын мой нажил чин большой.
Сам к высотам я стремился всей душой.
В красноречии сравнился ль кто со мной?
Но такого нет, кто б оценил мой труд.
И давно я предпочёл всему — покой.

1885

* * *

Вот и старость — скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распалён,
Мыслью не с кем поделиться старику,
Стал далёк и непонятен людям он.

Жить на свете лишь однажды суждено,
Дням минувшим воротиться не дано,
Радость где-то остаётся позади.
Божество неизменяемо одно.

Трезвым будь, учись владеть собой,
Лишь бездарный уживается с судьбой:
Нет в нём жара, мысли немощны его,
Прозябает он в покорности тупой.

Отвратителен лентяям честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
И нечестных жребий — гибель и позор,
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
По аулам праздно шляется иной,
В шутовстве не стыдно ль время коротать!

Чужд невежде разум, ясный и простой,
Он скорее пленится выдумкой худой.
Ведь не всяк способен правду оценить,—
Верит глупый небылице лишь одной.

Бредит дурень — о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращением относится к словам
Аксакала, знающего обо всём.

Мудрый взором проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа, превозносит он народ,
Ближних губит и над ними слёзы льет,
Если повезёт кому хоть раз,
Говорит он: господа, любимец — вот!

Тяжким бедствиям народным рад шайтан,
Безутешной скорбью ангел обуян;
«Виноват» — не скажет подлый, но скорей
К дьяволу переметнётся в стан.

Хитрым мнит себя из подлецов любой,
По углам таятся, шепчут меж собой.
Разве злом добиться можно торжества?
Не себя ль толкают к яме роковой?

Всякий ли народом управлять рождён?
Зло с добром сравнить сумеет чей закон?
Волостным всё норовит безмозглый стать, --
Под конец, как пёс, поруган будет он.

1886

* * *

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берёт, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пушу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец.
В вымогательстве рвач помогает рвачу.

Друг берёт, говоря: «Ты не дашь — я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Отойду — не разыщешь, след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идёт голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдёж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг и родня».

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть,
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снесь».

Мудрый взором проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа, превозносит он народ,
Ближних губит и над ними слёзы льет,
Если повезёт кому хоть раз,
Говорит он: господа, любимец — вот!

Тяжким бедствиям народным рад шайтан,
Безутешной скорбью ангел обуян;
«Виноват» — не скажет подлый, но скорей
К дьяволу переметнётся в стан.

Хитрым мнит себя из подлецов любой,
По углам таятся, шепчут меж собой.
Разве злом добиться можно торжества?
Не себя ль толкают к яме роковой?

Всякий ли народом управлять рождён?
Зло с добром сравнять сумеет чей закон?
Волостным всё норовит безмозглый стать, --
Под конец, как пёс, поруган будет он.

1886

* * *

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду — зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берёт, говоря: «Не останусь в долгу,
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пущу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец.
В вымогательстве рвач помогает рвачу.

Друг берёт, говоря: «Ты не дашь — я готов
Перекинуться в стан твоих лютых врагов.
Отойду — не разыщешь, след мой простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя, — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном...
Как подумаешь, кругом идёт голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдёж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг и родня».

Кто изменит, — встречаясь, не склонен краснеть,
Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снесь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай, кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю!»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнёшь — огрызнется: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предаёт, брата старшего — брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи — и злость в их сердцах..
Строят козни друг другу, темно в их глазах,
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянётся и лжёт,
Кто за золото душу и честь продаёт,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почёт, —
Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предаёт.

1886

* * *

“ О казахи мои, мой бедный народ!
Жёстким усом небритым прикрыл ты рот.
Зло — на левой щеке, на правой — добро...
Где же правда? Твой разум не разберёт!

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Но какой же яд в твою душу проник?

Ты не внимлешь добрым советам чужих,
Режет всех без разбора твой серп-язык!

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днём,
Добродушен, сердит, заносчив, труслив,
Постоянен в непостоянстве одном.

Почему же чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ?
Не исправишься ты, покуда чужой
Над тобой правленья бразды не возьмёт.

Если зову чести не будешь внимать,
Отвернётся от сына отчизна-мать.
Всё добро свое по ветру ты пустил,
И уже степных табунов не поймать.

Нет единства, порядка, везде разлад.
Зависть, алчность владеть тобою хогят,
Исцели себя от недугов таких,
А не то унижен будешь стократ.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?

Если стойкости нет, если твёрдости нет,
Разве можешь ты быть довольным собой? —
Если кто-либо верный укажет путь, —
Ты его клеймишь неразумной хулой

1886

* * *

Бай живёт и охраняет свой скот,
Даст десять голов — сотню уберезёт;
А тот, кто получит десять голов,
Еще девяносто в придачу урвёт.
Друг друга преследуют, злобой дыша.
Съездит в город, попьёт воды Иртыша,
Донесёт (пред ложью правда молчит)
И, довольный, скачет домой, спеша.
Исхудали кони от частой езды,
Карманы у всех от долгов худы,
Хитрецом и сутягой хотят прослыть,
Аллах не спасёт их от злой беды.
Кто молчит, — говорят — «испугался он»
И ходатаев шлёт обмануть закон.
В наш век у богатых сила вся,
Обманщик избит, но не перевелся.
Чтобы честного человека травить,
При себе они держат злого пса.

1886

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
Меня предавали и недруг, и друг.
Средь близких и дальних почти не найти,
Кто б не был причиной горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе,
Споткнёшься — покинет в неверной судьбе.
Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
Для них твои цели и помыслы — вздор.
Пустые лукавцы, рабы суеты.
На ком остановишь с надеждою взор?

Трепещут за скот, за добро богачи:
Всё спрятавши, прячутся сами в ночи:
Там стадо угнали, ограбили тут —
В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон,
К злодеям, к ворам снисходителен он. —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе ж изменяют в твоём же дому!

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,

И всем безразличен распад и разлом.
Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима,
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам!

К заслугам, к летам — уважения нет.
Презренное вылезло гордо на свет
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет!

1886

ПРОМЦЕНТРОВАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОС. АБЛАНЕТКА

* * *

Тот, кто заблудился, видит впереди простор пустой.
Он всегда к словам нечестным падох и перед толпой
Всё кичится, как богач, который сыт своим добром,
И нечистые дела творит он с лёгкою душой.

И чапан сидит суко́нный, словно вылитый, на нём,
И шагает он вразвалку, низко стянут кушаком,
Малахай свой загибает кверху он для красоты,
До тех пор, покуда пышный не облезет мех кругом.

Никогда не мнется летом шапка белая его,
Палка у него в руках не просто палка — волшебство.
В остов юрты палку сунув и повесив шапку, он
Нагло на стороны смотрит и не видит ничего.

Без труда узнать пройдоху по истёршимся штанам,
Складки на коленях тщится пальцем он разгладить сам.
Много времени имеет он, как пленник, что всегда
Знает лишь одно занятие — облегчаться по часам.

Он сызмальства всем ровесник; балагурия, бродит он,
И хохочет, и гогочет без причины возбуждён;
Чуть заговорит — ужимок отвратительных не счесть;
Хмурит бровь, глядит надменно — до чего в себя влюб-
лён!

Много есть у нас в народе праздных и пустых таких.
Что хозяйство им, что совесть? Только блеск пленяет их.
Всё занятие их в бахвальстве, в бесполезной суете,
Не подумают о том, чтоб воспитать себя самих.

О скоте своём нимало не заботятся они,
Честного труда не зная, носятся за днями дни
На конях на запотевших по аулам взад-вперед,
Ухмыляются довольно, мельком лишь на них взгляни.

1886

* * *

Только юность одна — жизни счастливой цвет,
Но не надейся, что ты так и не будешь сед.
В юности только мы веселы и бодры,
Старость придёт — и вдруг увидишь, что счастья нет.

В юности дело нам: весело распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аулах ходить, нежно к девушкам льнуть, —
Лучшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтёт —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Влюбчивым может быть жалкий лишь сумасброд.

Часто не о скоте думает молодежь.
Если только забава — и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Нет к науке путей — и честный труд хорош.

Пиршество где-нибудь — ты пышный берешь наряд.
На удалом коне прогарцовать ты рад.
Но похудеет конь, минет скоро почёт.
Пусть же суетный пир твой не прельщает взгляд.

Сдержанность — вот наш щит, верный признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Как увлекаться нам смехом, таким пустым!
Пусть же будет твоя воля всегда пряма.

Как ни велик твой пыл — не отдавайся ему.
Встретишь ты на пути страшных несчастий тьму —
Будешь скитаться ты, хлеб выпрашивать свой,
Беспечность твоя вовек не приведет ни к чему.

Часто до гроба нас уродует щегольство,
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Вором может стать, нищим в лохмотьях — тот,
Кто не может трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил вас с юных лет отец,
Родичей нет, чтоб ум занял у них молодец;
Жаль годов молодых, ушедших на щегольство—
Уж не придется ль тебе раскаяться наконец?

Юношей уже нет, кто бы меня понимал,
И от напрасных надежд каждый смертельно устал;
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Скромные эти слова я для других написал.

1886

ДЖИГИТАМ

Джигиты, ценен смех — не шутовство,
Различны внешний вид и естество,
Но если кто-то искренно смеётся,
Будь откровенен с ним, люби его.

Один не слушает — такой не в счет,
Другой внимателен — тебя поймет,
А третий все по-своему воспримет,
Чтоб все истолковать наоборот.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но, верен слову, стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснемся к ним водой.

К порывам юные сердца зову,
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив в своих поступках,
Тот мелкий человек по существу.

Так будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной, —
И все дурные чувства замолчат!

Собравшимся я дам один совет:
Не пререкайтесь в мирный час бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас в избытке нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам.
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать.
На бабнике — бесчестия печать.
Джигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы подстать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страстности слепой.
Не обольщайся женщиной красивой,
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег.
Кто, тешась новизной, проводит век,
Кому лицо подружки верной скучно, —
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биению сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» —
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел!
Кто гордым сердце пронести сумел.
А от неряхи, бабника, гупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благонравной, —
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст злословью повода она, —
Свежа, гибка, подобно стеблю розы,
В ее дыханье счастье и весна.

Богатством байской дочки не прельстись
И тем, что мал калым, не соблаз니스ь,
Но если это дочь людей хороших, —
Не будь глупцом, не упускай — женись.